

Елена Глебова

Сага об Искандере

Часть 1. Прозрение

Солнце медленно садилось, обнимая на прощание горбатые голые острые макушки скал. Всё вокруг начало терять чёткие очертания. Вечер уводил в ночь цветы и деревья, окружая их загадочной тенью. Менялись краски дня, словно, на окружающую природу приближающаяся ночь уже накидывала сонное тёмное непрозрачное одеяло. Горный воздух, пропитанный лучами уходящего солнца, ласкал животных и птиц.

Он ждал её. Вот уже прошёл целый день, но Сильвы всё не было. Земная чувственная безумная безграничная любовь Сильвы, не видящая берегов, презирающая законы, мнения и условности, радовала его и поражала своей глубиной и жертвенностью. Сильва день за днём не навязчиво и постепенно заполняла собою всё пространство в душе цыганёнка. Бережно, едва дыша, робко и очень ласково она вторгалась в его мир, чтобы остаться там навсегда. После всех пережитых потрясений и многих месяцев одиночества Сильва стала для него непревзойдённым лекарством. Рядом с ней он забывал обо всём. Она вселяла в него

прежнее отношение к жизни, открывая при этом многие удивительные непознанные им ранее грани человеческих отношений. Он радовался ей, позволял заботиться о себе. Он переживал за неё, он разделял её чаяния и желания, но сам при этом так не любил. Бессмертник, подарив Сильве ещё пять лет молодости, налил в серебряный кубок только простой родниковой воды. Будучи искущённым и многоопытным в колдовстве, Бессмертник видел наперёд события жизни и, зная хорошо человеческую природу и закономерности этого мира, не дал Сильве колдовского приворотного зелья. Сильва всё понимала, но твёрдо верила в свою красоту, обаяние и время, которое всё расставляет по своим местам. Внешнему совершенству Сильвы могла бы позавидовать любая красавица тех мест. Во всём остальном Сильве не было равных вообще, и пропадая в объятиях цыганёнка, она не сомневалась в своей окончательной победе и власти над ним. Сильва жила, наслаждаясь каждым днём, каждым мгновением жизни. Как натянутая до предела струна, она вибрировала в его руках, оплавляясь вместе с воском свечей и теряя ощущение времени и реальности вообще. Зброшенная штольня давно повенчала её с цыганёнком, и Сильва, любуясь неровной вздрагивающей их тенью от жёлтых восковых свечей на фоне каменной стены,

мысленно мечтала увести цыганёнка к алтарю. И вот сегодня Сильва не пришла. Перебрав множество причин, цыганёнок решил подождать ещё ночь и с рассветом отправиться в деревню на поиски Сильвы.

Браслеты, монисто, серьги и свободная льняная верхняя рубашка, небрежно брошенная на постель — всё напоминало о Сильве. Он постоянно прислушивался. В темноте сгущавшейся ночи ему всё время чудились её лёгкие быстрые шаги. Аромат шток-розы разливался у подножия заброшенной штольни и кружил голову. Запах роз у цыганёнка стойко ассоциировался с Сильвой. Цыганёнок сидел на срубленной сосне у подножия штольни и вслушивался в ночь. Ярко светила луна. Сумасшедшие цикады сводили с ума своими громкими трелями. Их стрекотание шло несмолкаемым фоном и спутником ночи. На выселке выла собака. Её неровный протяжный вой отдавался глухим эхом в гористой местности. «Как будто умер кто,» — подумалось цыганёнку. От этой мысли юноша вздрогнул всем телом. Сон сняло, как рукой. Сильвы всё не было. Так в ожидании он провёл ночь. Ночи в горах очень холодные. И первые утренние лучи застали цыганёнка под армяком, прикорнувшего у поваленной сосны.

Утро не принесло доброй вести. Сильва не появилась. Спустившись к горному ручью,

цыганёнок умылся ледяной водой, выпил две пригоршни студёной воды и быстро направился по тропинке от штольни, ведущей в сторону деревни, где стоял дом Сильвы. Он прошёл сравнительно не много, как взор его упал на женское монисто. Это было украшение Сильвы. Цыганёнок прекрасно знал каждое сочленение монисто. Дрожащими руками он поднял его. Золочёный дукат в центре сильно потемнел — хозяйки не было в живых. И странно, монисто, довольно туго некогда облегающее изящную шею Сильвы, было на застёжке. Если бы Сильва его обронила, застёжка должна была быть расстёгнутой. Цыганёнок внимательно огляделся. Столько раз он проходил этой тропой и никогда прежде не замечал здесь разросшегося бессмертника. Его горьковатый аромат кружил голову и тянул в животе, напоминая о голодной бессонной ночи. Упав на колени, цыганёнок начал внимательно осматривать землю вокруг того места, где лежало монисто. Среди густорастущих ярко-жёлтых пахучих цветов он увидел ленту, которой Сильва заплетала косу. Лента была скомкана, в ней запутался чей-то длинный седой вьющийся волос. Цыганёнок вздрогнул всем телом. Это были её монисто и её лента. Она была здесь относительно недавно так близко и в то же время так далеко от него. Чуть поодаль на земле валялся не развязанный узелок с

провизией. Сильва несла в штольную хлеб, сыр, яички и яблоки. Всё это лежало на земле среди цветов бессмертника нетронутым. Цыганёнок навзничь упал на землю. С Сильвой произошло несчастье, и он, будучи её частью, её возлюбленным, её душой, он не смог предвидеть всего этого и упредить. Прижав ленту и монисто к груди, он закрыл лицо руками и зарыдал. Это была ещё одна потеря. Сначала отец, затем любимая женщина. Судьба отнимала у него тех, кто был ему по-настоящему дорог. Сильва промелькнула, прошла воздушным шагом сквозь его жизнь и исчезла. Спешить было некуда. Цыганёнок лежал среди цветов бессмертника и смотрел в небо пустым невидящим ничего взглядом. Он вспоминал её, хрупкую, тонкую, с рыжими кудрями, отливающими на солнце медной проволокой, её звонкий счастливый нервный смех. Она каждый день проживала так, словно, это был их последний совместный день. Сильва что-то знала, но никогда не пускала в душу, переводя в шутку любой становившийся серьёзным разговор. Так прошёл день. Цыганёнок пролежал без движения много часов. Не хотелось есть, не хотелось пить, не хотелось жить. Смысл жизни оборвался. Некуда и не к кому было спешить. В штольне у него были спрятаны серьги в подарок Сильве. Он их купил на одной из ярмарок, обменяв золотой песок на

чудесное баснословно дорогое украшение. Подарок не дождался своей прекрасной владелицы.

Только поздним вечером, одурманенный ароматом бессмертника и растущих неподалёку нарциссов, цыганёнок пришёл в себя. Что с ним случилось — то ли глубокий обморок, то ли солнечный удар, то ли душевное потрясение так сказалось на всём его организме — было не ясно. Только в полудрёме, полусне, в небытие своём он видел странный сон. Сон ли это был, явь ли — не разберёт никто. Из цветов бессмертника стал подниматься высокий стройный очень красивый человек. Он подошёл к цыганёнку, взял его за руку и произнёс: «Сильва к тебе больше не придёт. Она мертва. Своей гибелью она спасла тебе жизнь. Живи и будь счастлив. Прощай. Если будешь на краю пропасти, и ждать помощи будет не от кого — позови меня.» «Кто же ты? Кто ты есть?» — спросил цыганёнок во сне. «Я — Бессмертник!» — глухим эхом прозвучал ответ призрака, и человек, поднявшийся из жёлтых цветов, так же внезапно исчез, растворился в воздухе, будто и не было его вовсе. «Это всё нарциссы», — решил про себя цыганёнок. Он хорошо помнил старую легенду о подушках, набитых нарциссами. Вот так уснёшь среди этого дурмана и не проснёшься вовсе.

Это был вечер следующего дня. Собрав то, что осталось от Сильвы на память, цыганёнок

отправился в деревню в надежде узнать у кого-нибудь хоть что-нибудь о последнем дне Сильвы. Потеря внезапная бьёт и истязает сильнее и ядовитее ожидаемой горести. Раз и всё, без объяснений, без видимых причин.

Цыганёнок уже подходил к деревне, где у Сильвы стоял дом, как на пути ему встретилась цыганская повозка. Повозкой правила старая женщина. Загорелая очень смуглая цыганка с волосами цвета воронова крыла в пёстрых одеждах с огромными золотыми кольцами в ушах быстро натянула поводья. Подобрав свои многочисленные цветастые юбки, она подвинулась на телеге и бойко крикнула цыганёнку:

— Эй, паренёк, я вижу, тебе с нами по пути. Садись, дорогой, подвезу!

Цыганёнок не заставил себя упрашивать и быстро прыгнул в телегу. Цыганка глянула ему в глаза и с силой притормозила лошадь.

— Что-й то ты грустный какой, — цыганка внимательно вглядывалась в глаза цыганёнку, — случилось что? — допытывалась она.

— Я...в деревню еду, — цыганёнок не выдержал проницательного, острого, въедающегося в душу взгляда пожилой женщины.

Лошадёнка, запряжённая в повозку, начала лениво пощипывать траву на обочине дороги.

— А ну, дай-ка руку, сейчас разрешим твоё

горе, — и цыганка почти без спросу, бесцеремонно взяла юношу за руку ладонью к себе.

Развернув крепкую мозолистую мальчишескую ладонь, цыганка ахнула от удивления.

— Кольцо! Ты, парень, откуда такой взялся? На тебе фамильное кольцо цыганского барона. Откуда оно у тебя? Из какого ты будешь табора? — вопросы сыпались на цыганёнка, как драже из конфетницы.

— Я не из табора буду, — начал было юноша, — я — сын золотодобытчика с выселка, того самого, что сгорел год назад неподалёку от этих мест. Сейчас еду в ближайшую деревню. Там у меня... у меня там больше никого не осталось, — цыганёнок уронил голову, не сдержался, слёзы комом подкатили к горлу, в глазах заболело от внезапно нахлынувших слёз. И тут мальчишку словно прорвало. Он рассказал незнакомой женщине всё, что с ним произошло. Рассказал без утайки, всё, как есть. И стало легче на душе. Цыганка слушала, затаив дыхание, ловила каждое слово парнишки и изредка поглядывала на кольцо, а в конце произнесла:

— Дай-ка руку снова мне, хороший мой, сейчас расскажу тебе больше, чем ты знаешь о своей жизни.

И медленно, слегка отрешённо и вкрадчиво

она начала свой рассказ по линиям мальчишеской руки:

— Ты рождён от большой любви. Любви, которая даётся людям раз в жизни. Любви, бескрайней, как море, жестокой, как ураган, и таинственной, как сердце девушки. Твой настоящий отец тоже был цыганом. Ты в него такой красавец. Но крест твой тяжёл — ты будешь терять в жизни всё самое для себя дорогое. Это проклятие твоего рода. Девушка, любившая тебя, действительно, мертва. Смерть её была страшна и мучительна. Она спасла тебя от несчастья. Но сокрушаться и умирать душой из-за неё не стоит — ведьма то была. Не было бы с ней ни семьи, ни счастья. Будет у тебя и семья, и ребёнок. Я это вижу. Сходи в храм, поставь свечу за упокой души своей бывшей возлюбленной и начинай жить. И живи так, чтобы ничто не омрачило твоей совести. Не гонись за богатством, не жажди наживы, не предавай друга, помоги нищему, а главное — молись и проси прощения за все свои прегрешения вольные и не вольные. Молитва очищает душу. Знай, что все люди, окружающие тебя, с тобою одно целое: богатые и нищие, злые сердцем и кроткие, умные и юродивые, жадные, алчные и бессеребряники, красавцы и красотюю обиженные, завистливые и добрые, талантливые и бесталанные — все равны перед Богом, только все они на разном расстоянии

по пути к Богу — кто ближе, а кто и очень далеко. Не мсти, не презирай никого, и никому не желай зла, ибо все люди душою связаны с Богом. Их воля в их поступках — не более, чем десятая часть. Всё, что с тобою случается — всё по воле Создателя. Он даёт тебе испытания. Имей же мужество их принять с честью.

— Если над моим родом тяготеет проклятие, могу ли я избежать его? — цыганёнок слушал старую цыганку и не понимал, что такого он мог натворить в свои восемнадцать лет, что жизнь так бьёт его одним ударом за другим.

— Можешь, — помолчав, ответила пожилая женщина, — к чистому грязь не липнет. Живи по законам Божиим и молись, молись от души, искренне, и помни — будешь любить этот мир, жизнь, людей, будешь прощать людям их несовершенство, не будешь осуждать, презирать, ненавидеть, завидовать — ты увидишь, как в твоей судьбе всё начнёт меняться к лучшему. Женщина твоя любила тебя, как любят в жизни раз, и любовью своей спасла тебя от гибели. А кольцо своё старайся никому не показывать. Не вздумай продать его или обменять, кто бы что бы тебе не сулил за него. Родится у тебя дочь — отдашь кольцо ей, а она передаст его твоей внучке. Ты ещё будешь счастлив, вот увидишь. Ты ещё вспомнишь мои слова. Только не дай горю и унынию съесть

тебя заживо. И ещё — научись прощать людей и не презирать своих врагов, научись этому, и будешь здоров и удачлив, и никакому проклятию тебя будет не одолеть. Оно вернётся к тому, кто был его автором. Верь в Бога, не бойся завтрашнего дня, живи, как птица, и будет тебе счастье, — закончила цыганка.

Лошадь доела на обочине клевер и потихоньку поволокла повозку дальше по дороге. До деревни оставалось совсем немного. Цыганёнок попрощался со старой цыганкой и спрыгнул с возка уже другим человеком.

Деревня встретила его гомоном уставшего дня. Вечерело, топили баню, собаки лаяли, бабы накрывали ужин на льняных скатертях, босоногие ребятишки скакали на жёрдочках посередине пыльной дороги. Пахло спелым подсолнухом и иван-чаем. О Сильве никто ничего рассказать толком не смог. Она покинула деревню вчера рано утром, и с тех пор никто её более не видал.

Следующие месяцы цыганёнок прожил в штольне, появляясь в деревне, разве чтобы только купить хлеба, яиц да молока.